

ХО-СУАН-ХЫОНГ

СТИХИ

Академия наук СССР

Издательство «Наука»

**ХО
СУАН
ХЫОНГ**
*
СТИХИ

Перевод с вьетнамского
Геннадия Ярославцева

Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Составление и комментарии

Н. И. Никулина

Хо-суан-Хыонг.

- X68 Стихи. Пер. с вьет. Г. Ярославцева. Сост., вступит. статья и коммент. Н. Никулина. Худож. Ю. Боярский. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

На рубеже XVIII и XIX веков, когда культура, искусство и мораль Вьетнама были в плену конфуцианских догм, прозвучал смелый голос Хо-суан-Хыонг. В ее стихах есть и глубокий лиризм, и дерзкий вызов феодальной морали и религии. Испытав унижение средневекового феодального брака, она отстаивала свободу женщины, ее право на истинную любовь; она воспевала красоту человека, по-раблезиански прибегая к гротескному образу. Книга является первой попыткой познакомить русского читателя с творчеством Хо-суан-Хыонг.

7-4-4

146-67

И (Вьет)

Хо-суан-Хыонг

«Кто она, Хо-суан-Хыонг, поэтесса Весенний Аромат и хозяйка Обители Древней Луны? Женщина, поражавшая современников и потомков блеском своего необычного поэтического дара, или выдумка неких игривых умов, человек-миф, коллективный псевдоним, нечто вроде вьетнамского Козьмы Пруtkова?» — Такой вопрос до последнего времени не был праздным для исследователей, обращавшихся к этому замечательному явлению вьетнамской литературы конца XVIII — начала XIX в. Время и официальные анналы феодального Вьетнама были беспощадны к личности поэтессы; мы даже не знаем ее имени: нет сомнений, что Хо-суан-Хыонг — «Хо Весенний Аромат» — всего лишь псевдоним.

Только в последнее время благодаря разысканиям вьетнамских ученых, и прежде всего ныне покойного литературоведа Чан-хань-Мая, с трудом собираемые по крупицам факты, нередко противоречивые, дополнили существовавшее в науке представление о творчестве Хо-суан-Хыонг и внесли некоторые коррективы в сведения о ее биографии, источником которых оставались до последнего времени ее собственные произведения и устная народная традиция.

Не вставая на путь тех достаточно многочисленных биографов, которые создавали фантастические «жизнеописания» Хо-суан-Хыонг, ограничимся наиболее достоверными фактами и

вероятными гипотезами. То немногое, что известно о поэтессе, позволяет нам видеть в ней человека нелегкой личной судьбы и вместе с тем человека смелого, не боявшегося бросить вызов устоям феодального общества и умевшего мужественно встретить его приговор.

Согласно гипотезе Чан-тхань-Мая, Хо-суан-Хыонг родилась в 1775—1780 гг. (историк Ван Тэн предположительно датирует ее рождение 1755—1760 гг.) в семье ученого-конфуцианца Хо-ши-Заня (1706—1783), сын которого Хо-ши-Донг (1738—1785) занимал при дворе высшие должности. Благодаря удачливому сыну Хо-ши-Зань был удостоен титулов и чинов, хотя сам никогда не служил. Родом Хо-ши-Зань был из провинции Нге-ан, о родном крае своих предков в старом Вьетнаме принято было постоянно помнить, и Хо-суан-Хыонг в своих стихах говорит о Нге-ане, хотя детство свое она провела в столице, Городе Взлетающего Дракона — Тханг-лонге (ныне — Ханой). По видимому, мать ее была всего лишь наложницей Хо-ши-Заня, и после смерти его она бежала из отравленной атмосферы взаимной вражды и склок, которая была столь характерна для больших феодальных семей, особенно после кончины главы семьи. Возможно, что это переселение как-то связано с драматическими событиями в стране — бушевавшим тридцать лет восстанием Тэй-шонов (1771—1802), которое поколебало прочность феодальных порядков. Так или иначе средневековый вьетнамский город немало способствовал формированию Хо-суан-Хыонг как личности. Не вызывает сомнения образованность поэтессы, ее начитанность во вьетнамской и китайской литературе.

Из стихов Хо-суан-Хыонг мы узнаем, что она дважды была замужем. Ее брак с богатым вдовцом — начальником округа по прозвищу Жаба не принес ей ничего, кроме разочарования и горечи. На его смерть она отозвалась стихотворением, в котором, не боясь упреков, без тени ханжества, столь поощрявшегося тогда официально, создала саркастическую эпитафию своему нелюбимому мужу.

Существует предположение, что поэтесса просто-напросто ушла от своего «супруга Жабы».

Хо-суан-Хыонг была также второй женой правителя уезда Винь-тыонг, но и этот брак оказался непродолжительным.

Поэтесса держала себя дерзко, не считаясь с принятыми во вьетнамском феодальном обществе обычаями, отводившими женщине более чем скромное место и предписывавшими одно — подчинение, бессловесную покорность. И в личной жизни Хо-суан-Хыонг восстает против духовного рабства. Ее дом в столице, который, как полагают, был расположен в районе Училища Сынов Отечества и Храма на Одной Колонне, являлся как бы литературным салоном. Он именовался «Обителью Древней Луны», там любили бывать поэты и ценители поэзии, среди которых у поэтессы были близкие друзья.

Один из этих друзей, Тон-фаунг-Тхи, после встречи с поэтессой писал в 1814 г., отдавая Хо-суан-Хыонг дань восхищения:

Лишь народилась Древняя Луна —
тотчас рассеялась ночная тьма;
Небесный сей цветок, она повсюду
всех радует дыханием весны.

Устная традиция сохранила предание о дружбе Хо-суан-Хыонг с великим поэтом Нгуен Зу (1765—1820), автором поэмы «Стенания истерзанной души». Стихотворение «Вспомнила о друге прежних лет» подтверждает это предание.

Со слов Тон-фаунг-Тхи мы узнаем, что поэтессе пришлось узнать нужду: «Жилось Суан Хыонг беспокойно, потому что мать ее состарилась, а семья не имела достатка». Видимо, эта цитата говорит в пользу устной традиции, согласно которой мать Хо-суан-Хыонг имела небольшую торговлю.

В отличие от подавляющего большинства своих современниц — вьетнамских женщин, прикованных к домашнему очагу, Хо-суан-Хыонг, по-видимому, любила путешествовать; во вся-

ком случае, она немало странствовала по Северному Вьетнаму, много видела, знала жизнь своего народа. Полезно вспомнить, что путешествовать тогда было отнюдь не безопасно: нередко дороги и тропы пролегали через горы и джунгли, никто не мог поручиться, что в пути не произойдет какая-нибудь неожиданная и малоприятная встреча. Палящее солнце и проливные дожди, дикие звери и тропические болезни поджидали путника. И, разумеется, путешествовать для женщины считалось предосудительным. Но Хо-суан-Хыонг это не могло удержать. Память о посещении ею различных уголков Вьетнама сохранилась в ее пейзажных зарисовках. Таковы некоторые черты облика поэтессы — умной, независимой, мужественной женщины, любившей свою страну, ее народ и родной язык.

Потомкам неизвестна ни дата кончины поэтессы, ни ее могила. Памятником «царице вьетнамской поэзии» остались ее стихи.

* * *

«Страна наша Вьет славна талантами в словесности, но среди женщин большинство оставалось без учения», — вздыхал Тонфаунг-Тхи. И потому тем более замечательно, что вьетнамская литература XVIII — начала XIX в. подарила миру необыкновенную поэтессу — Хо-суан-Хыонг.

Она была дочерью той эпохи, когда во Вьетнаме заколебались устои конфуцианского «Домостроя», когда передовые умы стремились, хотя и очень осторожно, высвободиться из-под власти средневековой схоластики.

Поэтесса Хо-суан-Хыонг разделяла передовые взгляды своего времени, и на ее долю выпало сказать слово в их защиту смелее и резче, чем это удалось тогда кому-либо другому.

В стихах Хо-суан-Хыонг, собранных в книге «Весенний аромат», обращает на себя внимание следующее: поэтесса писала четверостишия и восьмистишия, которые вполне соответствовали

канонам классической вьетнамской просодии, сложившимся в основном при неоспоримом влиянии танской поэтики еще во времена Нгуен Чая (1380—1442). Ценитель поэзии легко распознает в стихах Хо-суан-Хьонг то изощренное мастерство в технике стиха, которое стало так характерно для Вьетнама XVIII в., когда появились такие имена, как Доан-тхи-Дьем, Нгуен-за-Тхиеу, Нгуен Зу. Здесь и ассоциативность, любовь к распознаванию намеков, литературных реминисценций, просвечивающего второго смысла. Хо-суан-Хьонг довела до виртуозности издавна культивировавшееся умение выразить многое на крошечном пространстве в четыре или восемь стихотворных строк. О точности рифмы и правильности цезуры и т. п. даже и говорить не приходится.

Таким образом, Хо-суан-Хьонг была продолжательницей давних традиций, веками существовавших в «высокой» вьетнамской поэзии. Но все исследователи в один голос заявляют, что стихи Хо-суан-Хьонг — нечто необычное. Это совершенно не укладывающееся в рамки традиций литературное явление, не имеющее себе аналогий во вьетнамской литературе ни предшествующего, ни последующего периода.

Дело в том, что в стихах Хо-суан-Хьонг появляется простое-народное выражение, площадное слово, ругательство, обычно замаскированное. Но камуфляж легко спадал при первом же движении. Большинство четверостиший и восьмистиший Хо-суан-Хьонг достаточно откровенно двусмысленны. И о чем бы ни говорила поэтесса, о каком-либо предмете или пейзаже, она всегда умеет вызвать в сознании читателя еще и иной, эротический образ. В силу этого человеческое тело нередко становится как бы персонажем ее стихов.

Если добавить к тому же, что образность у Хо-суан-Хьонг включает в изобилии «низкие» и вместе с тем характерные для Вьетнама реалии (плод хлебного дерева, бетель, пышка и т. д.), а содержание ее стихов не гнушается «низкой» тематики, то

станет понятно, что с ее поэзией во вьетнамскую литературу вошла некая чуждая ранее для нее эстетическая система.

При изучении творчества Хо-суан-Хыонг, на наш взгляд, очень большое значение приобретают основные теоретические и методологические посылки М. М. Бахтина, изложенные в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (М., 1965). Они помогают выработать новый подход к эстетической системе Хо-суан-Хыонг, которая, как нам представляется, идет от народной культуры вьетнамского средневековья с характерной для нее поэтизацией, идеализацией материально-телесного начала.

Подобно тому как М. М. Бахтин видит «в Рабле вершину всей „неофициальной“ линии народного творчества, которое лишь один раз прорвалось в высокую литературу — в эпоху Возрождения»¹ в Европе, творчество Хо-суан-Хыонг также представляется нам как бы прорывом в сферу высокого художественного слова той непризнанной народной культуры вьетнамского средневековья, которая давала о себе знать на народных празднествах, на подмостках народного театра, она звучала в разговорах улицы, рынка, в песнях отнюдь не невинного содержания.

Разумеется, нельзя закрывать глаза на своеобразие социальных, культурных и прочих условий Вьетнама XVIII в., литературных и народных традиций, которым была сопричастна Хо-суан-Хыонг. Но даже непонимание и недоумение потомков, доставшиеся на долю знаменитого романа Рабле, оказались во многом и ее уделом.

Сведения, которыми располагает наука о народной культуре вьетнамского средневековья, очень скупы, часто приходится удовлетворяться косвенными свидетельствами, но и они достаточно красноречивы.

¹ Л. Пинский, *Рабле в новом освещении*, — «Вопросы литературы», 1966, № 6, стр. 201.

К любопытным проявлениям неофициальной культуры относятся празднества, обычно сопровождаемые песнями, которые имели место во Вьетнаме. Эти празднества в какой-то мере напоминали карнавалы в странах Европы.

В творчестве Хо-суан-Хыонг к народно-праздничным образам относится известное стихотворение «На качелях». Как и большинство ее стихов, оно двупланово:

Кто ловко-умело в весеннюю землю
четыре столба вбивает?

Одни взбираются покачаться,
другие — на них зевают.

У парня — коленей излом журавлиный,
он горбит-сгибает спину;

Послушно девушка стан пчелиный
навстречу ему выгибает.

Четыре штанины мелькают, алы,
и треплет их ветер удалый.

...Две пары яшмовых ног, устало
выпрямившись, замирают.

Весенние радости вы познали,
счастливей на миг вы стали? —

Окончен праздник, столбы убрали,
лишь дыры в земле зияют.

При всем жизнелюбии Хо-суан-Хыонг в ее стихах нет бесшабашности, в них всегда нотка грусти, даже там, где поэсса очень смела и даже дерзка

Двуплановость, свойственная стихам Хо-суан-Хыонг, характерна, между прочим, и для некоторых народных лубочных картин того периода, сохранившихся до нашего времени.

К этому же слою народной культуры относятся остроумные народные анекдоты о Высокоученом Куине, который ловко выпутывается из самых рискованных ситуаций, не чужд соленой шутки, искусно дурачит всех, в том числе и самого монарха. Как полагают, этот цикл возник в XVIII в. Некоторые строки Хо-суан-Хыонг представляют собой как бы анекдот в свернутом виде.

Любовь к литературным реминисценциям, к недоговоренности, свойственную вьетнамской поэзии, Хо-суан-Хыонг перенесла и на вьетнамские пословицы и поговорки: некоторые намеки Хо-суан-Хыонг можно понять, лишь зная определенные пословицы и поговорки. Кстати, из книжных источников она любила обращаться к «Шицзину» («Книге песен»), т. е. к произведениям фольклорным, которые ей были ближе по духу.

Нам мало известно о вьетнамской народной песне того времени, но до нас дошел один красноречивый факт: в 80-е годы XVIII в. некий всемогущий временщик по имени Хоанг-динь-Бао выставил на базаре крюк и ножницы, коими следовало вырывать языки у тех, кто распевал песни, неугодные сему вельможе. Видимо, они сильно досаждали ему.

Среди источников того мироощущения, которое формировало поэзию Хо-суан-Хыонг, на наш взгляд, следует отметить еще один: народный театр.

Побывавший во Вьетнаме во времена Хо-суан-Хыонг католический миссионер Биссашер кратко описывает народный театр. Благочестивый патер пишет о нем в высокомерном тоне, оценивая с той же меркой, с которой он оценивал бы спектакль королевской оперы:

«Комические пьесы по большей части — фарсы. В них выводится обычно персонаж, которого итальянцы называют *gracioso*: это профессиональный забавник, шуточки которого состоят глав-

ным образом из непристойных слов, сопровождаемых деланной и смешной пантомимой».

Есть основания полагать, что Хо-суан-Хыонг, которая жила долго в Ханое и немало путешествовала, хорошо знала народные театральные представления. Ее смех связан со стихией народного праздника и народного представления. Здесь, видимо, следует употребить термин, введенный М. М. Бахтиным,— «амбивалентный смех», в котором хула и похвала, отрицание и утверждение, смерть и рождение неразрывно слиты как две стороны процесса «возрождения» через осмеяние и «унижение», через сбрасывание в «материально-телесный низ».

Эта амбивалентность смеха прослеживается у Хо-суан-Хыонг в меньшей степени, чем у Рабле, которому посвящена монография М. М. Бахтина. Тем не менее очень интересен в связи с этим применяемый Хо-суан-Хыонг прием перенесения образов представителей феодальной верхушки, ученых-конфуцианцев — поборников конфуцианского благочестия и буддийских священнослужителей в подчеркнуто грубую сферу, в сферу материально-телесную.

Официальная идеология феодального общества стремилась резко отграничить «высокую» духовную сферу от материальной, всячески третируя последнюю как низкую и недостойную. Таким образом, поэзия Хо-суан-Хыонг внутренне не приемлет официальную идеологию, ей чужда нормативность в изображении своих персонажей.

Обратимся в связи с этим к пейзажной лирике Хо-суан-Хыонг. В ее творчестве пейзажная лирика, столь часто встречающаяся у вьетнамских поэтов, занимает (и в этом нет ничего необычного) значительное место. Но необычны сами эти пейзажные зарисовки. Сюда, как и в другие ее стихи, вторгается чувственная плоть. Человек, его физическое тело, как бы сливается с природой. Поэтесса создает двуплановые стихотворения, в которых наряду с пейзажем возникает гротескный образ человеческого тела, образ раблезианский, который сливается с зем-

лей, с ее выпуклостями и впадинами. А в конце стихотворения (например, «Перевал Ба-зой») нередко появляется образ святоши-нравоучителя, но он уже здесь смешон:

Спуски — подъемы, спуски — подъемы,
Вот он — Тройной перевал.

Кто он, могучий, что гордые кручи
из мягкого камня ваял?

У алых ворот всякий найдет
узкий проход в таинственный грот.

Есть и примета: мхом приодета
в том месте поверхность скал.

В теплые вёсны стройные сосны
клонит-колышет ветер несносный;

Рассвет торопливый на листиках ивы
капли росы расплескал.

Из добродетели лезут в свидетели
сей красоты — благонравья радители,

Не ведая лени, сбивая колени,
взбираются на перевал...

Близкий этому гротескный образ тела можно найти у такого утонченного поэта-аристократа второй половины XVIII в., как Нгуен-за-Тхьеу (1741—1798), в его поэме «Жалобы королевской наложницы». Это станет понятно, если учесть, что солнце символизировало мужское начало:

Луч солнца в темную пещеру заглянул и вновь померк.

Когда Хо-суан-Хыонг непосредственно изображает «нагую натуру» («Девушка, заснувшая в полдень»), то тоже обращается к образам пейзажной лирики, к картинам природы.

В таких стихах, как «Перевал Ба-зой», смех Хо-суан-Хыонг не уничтожает, а преобразует и возрождает, он как бы возвращает конфуцианскому мудрецу или монарху человеческие страсти, увлечения и слабости, духовно обогащает их и как бы делает опять людьми. Этот смех далек от бытовой эротики.

Таков же смысл довольно многочисленных стихов Хо-суан-Хыонг о буддийских монахах. Она не только осмеивает их за то, что поступки их расходятся с тем, что они проповедуют, т. е. дело не только в саркастической оценке их с морализующих позиций, но и в том, что поэтессе враждебна сама идея религиозного аскетизма не менее, чем ханжество священнослужителей.

У Хо-суан-Хыонг есть также стихотворения другого рода, в которых мы найдем и сатирические образы, и иронию. Но такие стихи нередко далеки от тех, за которые Хо-суан-Хыонг стяжала свою предосудительную славу. Взять хотя бы стихотворение «Двум ученым болванам, оставившим надписи-стихи на стене храма Будды», в котором, кстати, слышится стремление защитить истинную поэзию от эпигонов:

Один другого взяв под локоток,
бредут от храма — чванны и степенны;

Мнят: безупречен стиль у них и слог,
а выскажутся — слышен бред отменный.

Как доведется вам их повстречать,
скажите дурням: им несдобровать,

Коль извести они не разведут,
не выбелят запачканные стены.

Хо-суан-Хыонг выражала в своих стихах мысль о могуществе человека, ощущение огромности его сил, ценности чувственной жизни.

Замечательна ее миниатюра «Упала», в которой поэтесса раскрывает стремление человека осознать свое место в мире; мир и человек — такова тема этого очень лаконичного произведения, в нем проскальзывает и лукавая усмешка:

Потянулась, руки вверх простерла —
измеряю высоту небес.

Ноги развожу — хочу промерить,
широко ль раскинулась земля.

В стихах Хо-суан-Хыонг читателя покоряет пронизывающая их любовь к жизни и ее радостям, подкупающая непосредственность и лукавство.

Но тон Хо-суан-Хыонг становится невеселым, когда она пишет о тяжелой женской доле, правда, сосредоточивая свое внимание на семейной и любовной тематике. В эти ее стихи решительно входит обыденное. Поэтесса говорит о безрадостной жизни наложницы, делящей с другой «общего мужа» («Один на двоих»).

В восьмистишие, крошечную миниатюру, поэтесса умеет вложить рассказ о целой женской судьбе, хотя и нехитрой, но драматической, и бросить смелый вызов моралистам, которые угрожают дерзкой женщине страшными карами («Была робка, уступчива — и что же?..»).

В поэзии Хо-суан-Хыонг молчаливо присутствует стихийное представление о «естественном человеке», с ее стихами во вьетнамскую литературу входит «низкая» тематика и реалистическая изобразительность.

Хо-суан-Хыонг — самая демократическая представительница литературы вьетнамского средневековья. Она, опираясь на до-

стижения «высокой» поэзии на вьетнамском языке в области формы, в совершенстве владея этой формой стиха, вносит в нее народное мироощущение, элементы эстетики народной культуры, языка вьетнамской средневековой улицы и шумного рынка, праздничной толпы.

Поэзию Хо-суан-Хыонг можно сравнить с молодой умной женщиной из народа: она волей случая получила великолепное образование, ее одели в изысканный наряд аристократки, но она сохранила свои свободные и милые манеры, свою непосредственность и мудрое лукавство, не забыла сочную речь улицы и рыночной площади, где она выросла.

Стихи из другой книги — «Горный хрусталь» — значительно ближе к традиционной поэзии, многие из них написаны на тьх хан, вьетнамизированном стиле вэньяня. Но и эти стихи замечательны своей смелостью, искренностью и гуманизмом. Это — блестящие образцы вьетнамской любовной лирики XVIII — начала XIX в. Современник поэтессы Тон-фаунг-Тхи писал о них:

«...Несмотря на то, что стихи в книге „Горный хрусталь“ вроде бы полны ветра, бегущих облаков, восходящих лун (т. е. мотивов фривольного характера. — Н. Н.), но все они рождены в самой глубине сердца...»

Поклонник таланта поэтессы стремился примирить ее с официальной моралью; возможно, что это была необходимая маскировка, иначе произведения Хо-суан-Хыонг могли бы и не появиться в свет. Но, подчеркивая их искренность, он утверждал их подлинную человечность. Именно этим и дорога поэзия Хо-суан-Хыонг нашим современникам.

* * *

Вопрос о подлинности текстов стихотворений Хо-суан-Хыонг, собранных в книге «Весенний Аромат», до настоящего времени вызывает споры среди вьетнамских литературоведов. Дело в том,

что самое раннее издание этой книги, имеющееся сейчас в распоряжении ученых, относится уже к нашему столетию, к 1913 г., и выполнено оно без должной тщательности. В различных изданиях существует немало разночтений. Это обстоятельство, а также отсутствие подлинных рукописей поэтессы или прижизненных изданий ее произведений привели такого крупного литературоведа, как Чан-тхань-Май, к несколько поспешному выводу о том, что стихи в книге «Весенний Аромат» следует считать принадлежащими неизвестному автору. Но такой взгляд не утвердился в науке, более того, сам Чан-тхань-Май год спустя отказался от него, видя явную шаткость своих позиций.

Тем не менее и сейчас еще раздаются голоса, что следует то или иное стихотворение изъять из сочинений Хо-суан-Хыонг. Однако сколько-нибудь обоснованных аргументов при этом не приводится, и выступления такого рода остаются, по сути дела, бездоказательными, субъективными, сомнениями отдельных исследователей, причем одно часто противоречит другому.

Факты эти говорят о необходимости составления критических текстов стихов Хо-суан-Хыонг, но одновременно свидетельствуют об отсутствии серьезных доказательств, могущих поставить под вопрос ее авторство.

При составлении настоящего сборника были использованы наиболее общепринятые и выверенные тексты, которые приведены в исследованиях вьетнамских ученых Ван Тэна, Чан-тхань-Мая, Хоа Банга.

Другая книга стихов Хо-суан-Хыонг, «Горный хрусталь», до последнего времени была неизвестна литературной науке и лишь недавно благодаря усилиям Чан-тхань-Мая была выявлена и введена в научный оборот. Однако обнаруженная рукопись неполна: она насчитывает 52 стихотворения, а опубликована лишь небольшая их часть. В данной книге переводов использованы публикации Чан-тхань-Мая, посвятившего творчеству Хо-суан-Хыонг, в том числе и сборнику «Горный хрусталь», целый ряд исследований.

Вплоть до наших дней общим местом почти всех статей и книг о Хо-суан-Хыонг было утверждение о том, что поэтесса непереводима на чужой язык; считалось, что иноязычная поэзия бессильна передать очарование ее стихов и удел поэтессы — навеки оставаться «пленницей родного языка». Однако этот песимистический взгляд, казалось бы надежно подтверждаемый игрой слов, переносом музыкального ударения, таинственным вторым смыслом — словом, теми вполне реальными труднопреодолимыми препятствиями, с которыми сталкивается переводчик, заинтересовавшийся поэзией Хо-суан-Хыонг, нередко опровергался на деле самими его приверженцами, когда они писали о Хо-суан-Хыонг на иностранном языке (по-французски) и вынуждены были в силу обстоятельств переводить, как правило прозой, отдельные строки, восьмистишия и четверостишия. Разумеется, успех не всегда был гарантирован. Но кто знает, не эта ли слишком часто повторяемая мысль о непереводимости стихов Хо-суан-Хыонг помешала занять ей подобающее место на полках у ценителей поэзии за пределами Вьетнама?

Очевидно, что попытки перевода стихов замечательной вьетнамской поэтессы закономерны; предлагаемая книга — первая из них.

Н. И. Никулин

ИЗ КНИГИ
• ВЕСЕННИЙ
АРОМАТ •

**Гуляю возле стен храма Кхан-суан*
по берегу Западного Озера**

Медленно, мягко спускается вечер.
Храма стена. Тишина.

К сердцу из мира сует не пристала
даже пылинка одна...

Гонг троекратный услышали своды,
вздрыгнули рябью озерные воды.

Все изменилось. Где море шумело —
там тутовых веток стена *.

Море любви глубоко, необъятно.
Вычерпать море? — Невероятно!

А вот родник милосердья то полон,
то обмелеет до дна.

Где ты, блаженство? Где ты, нирвана? *.
Где обитаете вы постоянно?

Здесь, разумеется... Истина эта
на девять десятых верна.

* * *

Как одинока ты, розовощекая,
лишь реки с тобой да горы.

Жизнь твою меряет дробь барабанная *,
что будит ночные просторы.

Поздняя стража... От чарки вина
и не трезва ты, и не пьяна.

Светится тоненький краешек месяца.
Нет, полнолуние не скоро.

Выглянешь — всюду по лику земли
мшистыми пятнами тени легли,

Острые скалы туманом окутаны —
не разглядеть их узоры.

Горько, что годы идут чередой,
весны мелькают одна за другой.

С кем ты поделишься думами, чувствами?
Нет ни друзей, ни опоры.

**Стихи в дар храму бесславного
Чжан И-дуна ***

Блестает на храме табличка надменная.
Небрежный я кинула взгляд

И вижу, что в память о битом Наместнике
высокие стены стоят...

«Была бы мужчиной, — я с горечью думаю, —
могла б изменить я лихую судьбу мою,

Могла бы вершить я великие подвиги,
не зная досадных преград!»

Один на двоих

Нежится под одеялом жена,
зябко, тоскливо жене другой *.

Муж-то у них один на двоих —
взвоешь, пожалуй, от жизни такой.

Жди-дожидайся, пока повезет:
то ли неделя, то ль месяц пройдет;

Может, он завтра тебя позовет,
может быть, вовсе не ляжет с тобой?

Хочет жену как служанку держать,
чтоб и награды не смела бы ждать.

«Палок отведаю, но пообедаю!» *.
Рис на беду к обеду плохой...

Если бы раньше мне знать о том,
замуж не вышла бы нипочем,

Лучше б с судьбою смириться мне,
да и прожить бы весь век одной.

Женская доля

Это ли вам незнакомо, подруги?
Жесткий топчан... Теснота, жара;

Справа под бок тебе муж приткнулся,
слева — прижался малыш у ребра.

Папка мальчишкин * сопит над ухом,
все-то тебе норовит на брюхо;

В крике мальчонка сучит ногами,
тянется — есть ему, видно, пора.

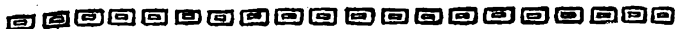
Неугомонные! Ешьте, терзайте,
лезьте до кучи, всю ночь докучайте!

Женская доля — в муже да в детях,
нынче и завтра — как было вчера.

Глаз не смыкаешь, покоя не знаешь:
этого кормишь, того ублажаешь.

Да, вам знакомо такое, подруги —
в мученской муке не спать до утра.

Перевал Ба-зой*

Спуски — подъемы, спуски — подъемы,
вот он — Тройной перевал.

Кто он, могучий, что гордые кручи
из мягкого камня ваял?

У алых ворот всякий найдет
узкий проход в таинственный грот.

Есть и примета: мхом приодета
в том месте поверхность скал.

В теплые вёсны стройные сосны
клонит-колышет ветер несносный;

Рассвет торопливый на листиках ивы
щедро росу расплескал.

Из добродетели лезут в свидетели
этих красот — благодравья радатели*,

Не ведая лени, сбивая колени,
взбираются на перевал...

Девушка, заснувшая в полдень

Летний юго-восточный ветер
в полдень не даст прохладм.

Девушке, утомленной зноем,
здесь отдохнуть — отрада.

Спит она в жарких объятиях грез,
гребень бамбуковый в гуще волос.

Ниже цветущих холмиков спущен
розовый край наряда.

Там, на холмах, что глядят в небеса,
не испарилась еще роса,

И есть еще в Персиковой долине *
поток речному преграда...

Жрец добродетели * рот раскрыл:
надо б уйти, но уйти нет сил.

Так он и топчется пред красотой,
не отрывая взгляда...

Местечко Кэм-чонг*

Раздвинуты горы. Меж ними река.

— Вам нравится горная местность?

— Так это, скажите, тот самый Кэм-чонг?

Ну, право, прелестно, прелестно!

Трепещет и клонится стройный бамбук.

Тук-тук — колотушки откуда-то стук.

Волна набежала. Порыв ветерка.

Откуда он здесь — неизвестно.

А дальше долина все уже, тесней,

замшелые скалы нависли над ней.

На гребень горы заберешься — и вновь

все дали видны, и не тесно.

Но если в расселину удержишь свой путь,

упрямец, всегда осмотрительным будь.

Кто знает, откуда нагрянет беда? —

Оглядка-то всюду уместна.

Запруда

Мучимый жаждой свернет в переулок —
там ожидает его благодать:

Озеро, круглый колодец-запруда,
прячется — сразу и не увидеть.

С берега на берег пара досочек —
шаткий, конечно, но все же мосточек.

Где-то журчит ручеек незаметный,
невозмутима прозрачная гладь.

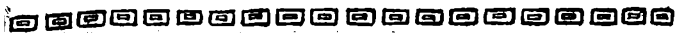
У водоема, его обрамляя,
травка топорщится, кур привлекая.

Юркими стаями малые рыбки
так и мелькают — попробуй поймать!

Нет, не поверю, что путник найдется,
вдруг отказавшийся пить из колодца.

Каждый спеша опускает бадейку:
скользко... Легко ль на мостках устоять!

Веер

В пластинках — отверстия. Шип-стерженек *
пронижет с десяток — и дело!

Я, с женской судьбой моей, с давних пор
от стержня такого терпела...

Веер раскроешь — конусом он,
ткань изогнулась с обеих сторон.

Сложишь — изгибов уже не видать,
если внутри не заело.

Чуть богатырь мой стихнет, устал —
веер прохладней больших опахал;

Дождик польет — голове мудреца
зонтик заменит он смело *.

Ласки за пологом гостю даря,
тихо спрошу я у богатыря:

«Может быть, веера ветерок
слушать тебе надоело?..»

Веер

Семнадцать — мой возраст! — пластиночек в нем,
он прелести нашей частица.

Побольше ль, поменьше ль раскроешь его —
все конусом строгим глядится.

К нему подбирается шип-стерженек,
врезается в нижний его уголок.

В жару этот веер прохладу дает,
в нем радость забвенья таится.

Изящный, желанный и скромный вполне,
он с нами при солнце и при луне.

Сокрыта в нем сила пленяющих чар,
так можно ли с ним разлучиться!

Ты, розовощекая, тем и мила,
что вечно с тобой он, куда бы ни шла.

И князь родовитый*, и сам государь
привязан лишь к этой вещице.

Пещера Как-ко *

Полюбуйтесь, гора-изваянье стоит,
от земли и небес рождена,

И глубокою трещиной эта гора
словно надвое разделена.

Мрак в расселине тесной и ночью и днем,
заросла к ней тропинка под соснами мхом.

Но лишь ветра порыв раскачает стволы,
и надвинется буря, грозна —

Устремится в расселину бурный поток
и, ликуя и пенясь, ворвется в чертог.

В глубине оставляет он силу свою,
после бури опять тишина.

Кто резцом здесь работал, чьей мысли полет
создал столь совершенный, смиренный грот?

Осаждают толпою ценители вход...
Да, искусна природа, умна!

Придворные евнухи *

Двенадцать вздорных баб *, день целый
грызня меж вами и скандалы!..

Где для весенних наслаждений
вы потеряли причиндалы?

Ширк-ширк — хвостом вильнула мышь,
прыг-прыг — и нет, остался шиш;

Гудят-зудят шмели, роятся,
да хоботок у них без жала.

Все на одно лицо. Никак
не отличить от мака шак.

Где голова у них, где гузно —
не скажет и мудрец, пожалуй.

Да тьфу на них, не трата слов!..
Прожди хоть век, хоть сто веков —

Не согрешить им, как случалось
на Пу, под тутами, бывало *...

Буддийский монах

Нет, не похож он на китайчонка
и на вьетнамца тоже *:

В короткопалой шуйце бананы —
жертвенные *, быть может?

Головка — ребячья, а череп — голый *,
халатик рваный, как есть бесполой;

Шесть или семь за спиной монашек
опухшие прячут рожи.

«Есть грехи — несть греха», — лысый бормочет.
«Хи-ха, хи-ха», — квохчет, что кочет.

Гонг — «нгонг», колотушек гром —
как в ступку пестом... Похоже?

Коль он в монахах подольше застрянет,
в храме, глядишь, настоятелем станет.

Ух, высоко же тогда вознесется
на настоятельском ложе!

Храм у Посольских палат*

Храм Куан-ши. Отчего он безлюден,
Разве он может остаться пустым?
А где преподобный его настоятель?
Может, беда приключилась с ним?
Не бьет в колотушку послушник-служба,
Одна или две монашки-старушки
Четки медлительно перебирают,
Не утруждаясь занятием сим...
Окончилась ночь, рассвет наступает,
Где ж барабан, что зарю возвещает?
Около полудня — пусто, как прежде.
Будде молитвой когда воздадим?..
Лики святые — не сонные рожи —
У страстотерпцев. Прислужники божьи
Долгие ночи — во бденье усердном,
Аще продрыхнут — искупится им...

На качелях

Кто ловко-умело в весеннюю землю
четыре столба вбивает?

Одни взбираются покачаться,
другие — на них зевают.

У парня — коленей излом журавлиный,
он горбит-сгибает спину;

Послушно девушка стан пчелиный
навстречу ему выгибает.

Четыре штанины мелькают, алы,
и треплет их ветер удалый.

...Две пары яшимовых ног, устало
выпрямившись, замирают.

Весенние радости вы познали,
счастливей на миг вы стали? —

Окончен праздник, столбы убрали,
лишь дыры в земле зияют.

**Лодочнику, забывшему о волне,
что вынесла его на берег**

Эй, лодочник! Знакомы мне
коварные твои повадки.

Ты погружал в реку весло,
страшась задержки да осадки.

Но, выйдя на берег привычно,
на воду смотришь безразлично.

Песок шуршит под челноком —
что волноваться? — Все в порядке!

Волне же, поднятой тобою,
еще надолго нет покою.

Ты встречи с нею избегал,
она ж — неслась к тебе украдкой,

Обнять хотела... Разве вправе
ты забывать о переправе?

Еще не раз придется плыть,
так не беги же без оглядки!..

Плод хлебного дерева

Тело мое — словно хлебного дерева плод,
на согнутой ветке висящий.

Кожица шероховата, зато аромат
она источает пьянящий.

Муж добродетельный! Хочешь от дерева вкусить —
надобно ставить подпорку, колышек вбить *.

Только руками касаться плода не смей,
чтоб сок не пролился бродящий.

Приглашаю гостя отведасть бетеля *

Я — маленький арековый орех,
что с известью в лист бетеля запрятан.

Мне имя дали Хо-суан-Хыонг,
зовут меня Весенним Ароматом.

Надкусишь бетель — губы заалеют,
когда друг друга любят — пламенеют.

Смотри же, белой известью не стань * —
изменником не сделайся заклятым.

Пышка в подсахаренной воде *

Пышка я круглая, белая-белая,
сдобная, сладкая и пышнотелая.

Плаваю, плаваю — все не тону.
Стану тяжелой — и камнем ко дну!

Пекарь рукою своей беззаботной
сделает рыхлой меня или плотной.

Телом любого к себе приманю,
сердце-начинку я чистым храню!

* * *

Была робка, уступчива — и что же?
Едка и зла, пришла ко мне беда.
Заела с той поры тоска всю душу,
Моя печаль теперь тебе чужда.
Увы, настал конец небесной страсти*,
Желанного я не узнала счастья.
Ах, отчего судьба моя разбита
Безжалостной чертою* навсегда?
Едва ли вспоминать тебе не скучно
Решенье — вечно жить нам неразлучно.
Ей-ей, лишь мне лелеять сгусток страсти,
Мне от него не деться никуда.
Еще не знают... Пусть потом судачат:
«Нет мужа у нее...» «Ах, вот как! Значит...»
На все лады судить и славить станут,
А мне-то что до этого суда! *.

Женщине, оплакивающей знатного мужа

яко рыдает и причитает она,
в скорби бессонной трет покрасневшие веки.

Стоит ли плакать? Грусть, я скажу, не нужна.
«Зря убиваешься» — скажут и горы и реки *.

Глупых девчонок где б ни пришлось повстречать,
надо бы каждой горькую правду сказать:

Низкороденная! Бойся вельможных палат,
 вступишь супругой — станешь служанкой навеки *.

Ужаленный монах

Была у него островерхая шляпа *
и черная шапка была.

Так нет же! Пошел с головой непокрытой—
ужалила дурня пчела.

Похожа, видать, голова у бедняжки
на место внизу живота у монашки.

Так жала и просит проклятое место...
Немножко ошиблась пчела.

Браню глупых школяров*

Куда, недоумки, чинно-степенно
бредете, что глупое стадо?

Я — старше; подите сюда, поучу вас,
как делать поэзию надо.

Уж если шмелиное жало зудит,
оно и сухую былинку пронзит;

Козленок, когда пробиваются рожки,
бодает любую ограду.

Оплакиваю начальника округа Жабу

Супруг ты мой Жаба *, супруг ты мой Жаба!
Не год и не два я подряд

Курю благовоньями, свечи сжигаю,
блюду поминальный обряд! *.

Ты, видно, еще головастиком был
в ту пору, как хвостик твой отскочил?..

Горою монет не восполнишь потерю,
будь жив ты и будь ты богат!

Улитка

Улиткой-устрицею мать
произвела меня на свет.

Я в затхлой тине век живу,
печальней этой доли нет.

Я приглянулась, добрый муж? —
Пожалуй, панцирь мой разрушь,

Но нижних створок не коснись,
не причини им боль и вред!

**Двум ученым болванам,
оставившим надписи-стихи
на стене храма Будды***

Один другого взяв под локоток,
бредут от храма — чванны и степенны;

Мнят: безупречен стиль у них и слог,
а выскажутся — слышен бред отменный.

Как доведется вам их повстречать,
скажите дурням: им несдобровать,

Коль извести они не разведут,
не выбелят запачканные стены.

Две красавицы* на картине

Хочу спросить, на дев прелестных глядя:

— Да сколько ж лет вам здесь, где вы вдвоем?

Я старшую с весною бы сравнила,
сестрица — не уступит ей ни в чем!

Два оттиска одной печати — девы,
не отличить вас — правую от левой;

Застыла на столетья ваша прелесть,
бессмертна и... безжизненна притом.

Нет, не предаться перезревшим сливам
цветка и ветра пиршествам игривым*.

Давно с судьбой красавицы смирились,
и в этом мы картину упрекнем.

Не радостно изображение это —
здесь красота бессмысленно воспета!

Уж очень ловок древний рисовальщик
в самом прекраснодушии своем.

Храм Благовонных Следов Будды *

Кто создал грот, куда текут
паломники со всех сторон?

Уходит трещиною вглубь,
влечет таинственностью он.

Бывалого ведет обычай:
он, посохом привычно тыча *,

Величьем Будды не пленен!
а новичок — тот ослеплен!

У красоты земной во власти,
челн без весла *, исполнен страсти,

Волной игривой покорен,
спешит к святыне на поклон.

Что сокровенно созидалось, —
о Небо! — то толпе досталось.

Творец искусный всех времен,
порой твой замысел смешон.

Барабан

Сильно потрепан, судьбою обижен,
рано состарился ты, барабан.

Каждый, кто был к тебе капельку ближе,
бил в тебя палками, трезв или пьян.

Как ты терпел издевательства — диво!
Днем барабанщики были ретивы,

Ночью то дробь в тишине рассыпал ты,
то оглашал ты раскатами стан...

Были любители громкого боя:
били с наклоном и сидя, и стоя,

И на весу, и на землю швыряли.
Все постучали — и зван и не зван.

Люди, калеку теперь пожалейте,
палками дряблую кожу не бейте.

Дряблая кожа — все-таки кожа,
а не рогожа, — поймет и болван!..

Упрекаю Тьеу Хо * за дерзость

Опомнись! Трезв ты, наконец,
..иль хмель твой не проходит?

Взбрело ж бродить средь бела дня,
..где при луне лишь бродят!

Хочу, чтоб ты разумным был,
..к Пещере Тигров не ходил.

Послушай старших: там нет-нет
да и тигрят находят.

**Тьсу Хо отвечает
теми же рифмами**

Да, да, я совершенно пьян!
Нет... Хмель уже проходит...

Но я и днем хочу бродить,
где только ночью бродят.

Когда бы я послушным был,
к Пещере Тигров не ходил, —

Никто б тогда не говорил,
что там тигрят находят*.

Упрекаю Тьеу Хо за скупость

Ты три монеты дал взаймы,
а, помню, обещал мне пять.

Муж добродетельный, стыдись:
тебя должна я упрекать.

Тебе ль подобным быть к лицу
Куою, лунному лжецу? *

Что ж, отправляйся на лулу
листвы баньяновой достать! *

**Тьеу Хо отвечает
теми же рифмами ***

Тебе-то, право, не к лицу
меня за скупость упрекать.

Пересчитай на серебро —
не три получится, а пять.

Нет, не полезу на луну,
жену поближе пригляну.

Тогда ей не листву одну —
все дерево готов достать!

Выражаю свои чувства

С крыш сампанов ко мне долетит порой
петухов голосистых пенье,

И с тоскою гляжу я на мир вокруг,
на окрестные эти селенья.

В колотушку горя никто не стучит —
отчего ж она не молчит?

Нет охотников в колокол грусти бить,
но не молкнет его гуденье.

Эти звуки вселяют мне в сердце боль,
ан терпеть ее век изволь.

Я кляню-проклиная мою судьбу,
и — напрасно страстей кипенье.

Молодые таланты? — Держи их, держи!..
Где вы, мысли могучей мужи?

Далека еще старость, но я напряглась,
с ней готова вступить в сражение.

Оплакиваю правителя округа Винь-тыонг *

Супружества оборван краткий век,
что небесами был нам обозначен.

Расстались мы надолго, навсегда...
И долг любви супружеской оплачен.

Под четырьмя тхыоками * земли
литературный дар ваш погребли,

На волю ветра стрелы отдались,
которым путь был верный предназначен.

Ваш лук тугой безжизненно обвис;
весов небесных чашу тянет вниз:

На ней мешок прекрасных ваших дел
защит, веревкой крепко перехвачен.

Минуло двадцать семь печальных лун *
в одно мгновение, как дрожанье струн...

Супружества оборван краткий век,
что небесами был нам обозначен.

Монах *

Разорваны пути. От дел удалился земных,
А все ж на распутье: покоя не знает от них.
Слабеет и чахнет в монашестве малая плоть.
Поверим ли? — Плоть не так-то легко побороть.
Украдкой в моельне-ладье поклоняется он
Тому лишь блаженству, что памятно с прежних времен.
Назойливый ветер подует навстречу челну —
И благочестивый челнок устремится..
Ко дну!

Священный грот у Храма Учителя *

Хвала создателю! Он в простоте своей
велик и мудр необычайно.

Здесь сокровенное он открывает нам,
святой нас приобщает тайны.

В морщинах скал — где зримая едва,
а где густая — выросла трава;

Откуда-то бежит-струится ручеек...
Гляди, обрызгает случайно.

Монашек лысый, пробираясь в грот,
усердно в колотушку бьет и бьет;

Два послушника с ним... Стоят спина к спине,
храня обительские тайны.

Их до конца, считай, лишь тот постиг,
кто, как монах, в священный грот проник.

Пусть ноги затекли и пусть в коленях дрожь,
кто вхож — усерден чрезвычайно!

**О том, как Суан Хьонг из Ханоя,
поскользнувшись, упала на дороге,
а юбка ее взметнулась вверх ***

Внезапно расступились облака,
и с любопытством яркое светило

На крошечную точку на земле,
прищурившись, лучи-глаза скосило.

И реки вздулись, и крутые горы
умильные бросают сверху взоры.

Цветы и травы, вам не привыкать:
глядящих снизу я не удивила.

Скала и утес *

Даже шутку затеяв,
искусен создатель вселенной.

Над почтенной скалою
утес громоздится почтенный.

Белоснежны вершины —
благородные вижу седины,

Но туманные лики
украшает румянец отменный.

Дымкой тают покровы
на глазах у светила ночного.

Реки, горы веками
сопричастны любви вдохновенной,

Если камни-громады
наслажденью и в старости рады,

Молодых упрекнем ли,
что порывы их столь дерзновенны?

Надпись на прошении почтенного конга *

Однажды, по случаю засухи, в округе Винь-тыонг было запрещено забивать скот. Высокоученый конг, недавно удостоенный этого звания, подал в отсутствие правителя округа прошение, чтобы ему разрешили зарезать вола для праздничного пира. Хо-суан-Хыонг, жена правителя, рассмотрела прошение и написала на нем следующие строки:

Не могу разрешить Вам зарезать вола.

Впрочем, верно ли я поняла?

Может, Вас надлежало б обрезать в вола? —

Я согласна — была не была!

* * *

В другой раз некий проситель, пожелавший вознести моление духам, обратился за разрешением на заклание буйвола.

Хо-суан-Хыонг начертала:

Я разрешаю Вам моление духам,
но чуть прослышу только чутким ухом,

Что мясом Вы затеяли торговлю, —
Вам буйволову участь уготовлю.

Когда у духолюбца сердце лживо —
не пощажу, из тела вырву живо!

Обманщик, не надейся на спасенье.
Итак, я разрешаю Вам моление.

Живые шахматы

Поздняя стража. Ни он, ни она,
Лежа на ложе, не ведают сна.

Встал он, светильник во тьме засветил,
Партию в шахматы ей предложил.

Люди — фигуры, и ложе — доска,
Черные он расставляет войска.

Воинам белым — она властелин,
Друг против друга — один на один —

Тайно сражение они поведут,
Лишних советов не надобно тут.

Воины, в битве готовые пасть,
К бою привычны, потешатся всласть.

Первый, четвертый, двенадцатый ход —
Ринулись черные пешки вперед.

Конь вороной удила закусил,
Белые враз оголили свой тыл;

Черным фигурам бессильно грозя,
Не замечают маневров ферзя:

С помощью воинов — двух колесниц* —
Белых слонов повергает он ниц,

Лихо врывается в скрытую брешь.
Лишь запоздалое «Ешь его, ешь!»

Слышится в лагере белых не в лад, —
Их предводителю делают мат!

Кончилась шахматная война.
Выиграл он, проиграла она.

Спротивляться ей дольше нельзя.
Мнит, что в плену она держит ферзя.

Радостно нам — мы приходим к друзьям —
К рекам, озерам, горам и холмам.

А нападет ненароком тоска —
Есть и фигуры, есть и доска.

Черпаем воду

Эной, духота. Не дожدهшься дождя
в жаркую эту погоду.

«Где вы, подружки? Идемте к ручью
черпать холодную воду!»

Вот, треугольный черпак раскачав,
кину — и плещется он среди трав

В поле, где тихо струится вода,
выйдя из гор на свободу.

Чуть наклонюсь — и до дна достаю,
выну — подставляю ладонь под струю.

Влаги живительной хватит на всех,
лица и руки омыты.

Весело!.. Долго мы трудимся так:
выльем — и снова наполним черпак.

И не расстаться с водою никак.
Эной и усталость забыты.

Обращаюсь с шуткой к военачальнику

Он вовсе не застенчив и не робок,
и рост его достаточно велик,

Дорогу без труда отыщет ночью,
не нужно глаз — он к темноте привык.

На голове, что лысая совсем,
он островерхий, красный носит шлем*.

Глядишь ему в лицо — он вечно молод,
а со спины — давно уже старик.

Лекарская вдова оплакивает мужа

— Кто это тихо скулит,
что тебе ночью не спится?

— Стала навек я вдовой,
мужа мне жалко, сестрица.

Вспомню хорошие дни —
слышится запах лакрицы,

Беды на память придут —
пахнет толченой корицей.

...Из целебных оставил растений
лишь дурман, безвременник осенний.

Как с собой унести он посмел
и красавку и чистотел!

Жизни мне, милая, нет,
хоть помереть бы — да где там...

Вот, остался его ланцет.
Что мне делать с этим ланцетом!

Харчевня Кхань

Дождями и солнцем все вымыто чисто.

Пригнувшись, смотрю с любопытством во взоре:

Дорога навверх изгибается-вьется
к харчевне-развалине на косогоре.

Картина такая кому незнакома?
На крыше топорщится кверху солома.

Прошита-пронизана тонким бамбуком.
Коленца-колечки на кровле-заборе *

А рядом торчит — в дополнение картины —
зеленого дерева ствол триединый,

Сверкает вода ослепительным блеском,
мелеет-мелеет поток на просторе...

Вот змей из бумаги над кровлею дома
взвился — да и ткнулся с размаху в солому.

Гляжу — и в душе пробуждается радость,
забылись былые заботы и горе.

Поднебесный рынок *

Чтоб озадачить человека,
творец трудился здесь немало:

Устроил Поднебесный рынок —
причудливо расставил скалы.

Тут утром веет ветерок,
а зной полуденный жесток,

Под вечер — облака на небе.
Луна всплывает — ночь настала.

Безмолвен каменный базар,
недвижен каменный товар.

Изобретательна природа:
немых сидельцев изваяла.

Но в этой каменной тиши
кто наживает бараши?

Как слух свой мы ни напрягали б,
все ж не узнали бы, пожалуй...

У дворца Тхай-хоа * вспоминаю бывшее

Перед воротами дворца
дорожки поросли травой.

Воспоминаньям нет конца,
стою с поникшей головой.

Не запах водяных растений,
но благовоние курений,

Не тучи — облака одежд
цветистых, пышных — предо мною.

А ритм у волн все так же гладок,
что им расцвет, что им упадок!..

И колокол звонит, как встарь,
напоминая мне бывшее.

А все же — прежней нет картины.
Где лет ушедших властелины?

Глаза таращат лишь одни
лысоголовые «герои» *...

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ФРАЗЫ

* * *

Там, высоко, плывет блестящий паланкин
достойного вельможи,

А здесь, внизу, шумит безликая толпа
в тряпье одетых женщин.

Упала

Потянулась, руки вверх простерла —
измеряю высоту небес.

Ноги развожу — хочу промерить,
широко ль раскинулась земля.

По случаю Нового года *

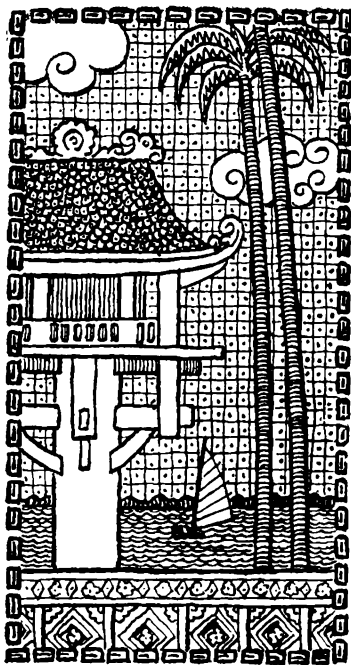
Год провожая, с вечера * будь осторожна:
двери плотнее закрой,
створки друг к другу прижми,
чтобы нечистая тварь не пролезла.

Новый наступит — утром *, засов отодвинув,
жди наступленья весны,
дверь широко распахни
радости и наслажденью навстречу.

ИЗ КНИГИ
ГОРНЫЙ
ХРУСТАЛЬ

Жалобы

Вникаю в глубину житейских дел,
и сердце у меня — сплошная рана;

Мир чувств и мыслей в людях познаю,
и голова мутна, как от дурмана.

Пусть буду я рождаться вновь и вновь —
узнаю ль настоящую любовь?

За годы, что успела я прожить,
пила лишь чашу горького обмана.

Песня о лунной ночи

Роса на траве — как рассыпанный жемчуг.

Луна — светоносный нефрит,—

Свершая свой путь по высокому небу,
мне в самое сердце глядит.

Где друг мой старинный, куда он исчез?
Далеко... За краем небес!

Любовь, не встречая приветного взора,
и душу и тело томит.

Храм девы-кудесницы мохом оброс *,
тоскливо мне, горько до слез.

Рассеялось циньское облако прахом,
и чжаоский дождь * не кропит.

А в небе луна *, холодна и ясна,
все светит и светит она.

Где ж тот, что припомнился лунною ночью
и душу мою берedit?

Вспомнила о друге прежних лет *

Написала стихи и посылаю их савновному и высокородному из семейства Нгуенов общины Тиен-дьен, что в уезде Нги-суан.

За дальнею далью, за тысячью ээмов *
тоскую, о вас вспоминая.

Кого упрошу я посланником верным
добраться до вашего края?

Струю родника поглотила река,
для чувства три года — века и века!

Так сны золотые придут — и уходят,
мгновения нам озаряя.

Вы сели в повозку, умчали вас кони,
три года любовь моя рвется в погоню

Румяна и пудра — зачем они ныне?
Горька моя участь: одна я.

На Башне Луны я встречаю рассвет.

Блестят ли росинки на крыше иль нет?

Еще не погас одинокий светильник,
не кончилась стража ночная*.

Орхидея в саду в конце весны

Ложусь и слышу: бронзовый дракон
роняет капли, время отмеряя*;

Встаю и слышу: как и прежде, он
размеренно стучит, не уставая.

Все ниже, ниже клонится луна,
земные твари — все в объятьях сна.

Песнь о «Реке печали» мне слышна,
в ней тишина растворена ночная.

Ваш голос ночью память мне тревожит,
и мой вы тоже помните, быть может.

Мы знали друг о друге по дыханью,
вы — моему, я — вашему внимая.

Ночь на исходе. Только мне не спится:
мелькают бесконечной вереницей

Воспоминанья светлые о прошлом,
с горой Ушань* мечты соединяя.

Та встреча не идет из головы.
Как ласковы со мною были вы...

Я устремляюсь вдаль душой и телом..
Гора Ушань... Нет мне желанней края!

Сижу, ладонью подпирая лоб.
Усталой мне и отдохнувшей, вея,
Восточный ветер * — радость прежних дней —
приносят слабый запах орхидеи.
Весь сад окрашен в изумрудный цвет,
здесь, кажется, иных оттенков нет.
Пора цветенья скоро отойдет.
Конец весне. Об этом я жалею.
И вдруг, взглядевшись в пышные кусты,
на ветках вижу алые цветы.
Ты, иволга, лететь не торопись,
восточный ветер, вей же, вей сильнее.
Хоть сочтены цветов душистых дни.
пусть ветру улыбаются они.
Я на закате праздничной весны
порадоваться встрече их успею.
Когда же ветер унесется вдаль
и разольет луна свою печаль,
То про Весенний Аромат * едва ль
я сочинить стихи тогда сумею...

Посылаю Чану, правителю Шоннам-тхыонга

Он гордо флаг свой внес и водрузил
в собрание поэтических светил.

Наполненную ветром и луной
бутылъ из тыквы ставит предо мной.

А за спиной — поэзии мешок,
безгрешной скуке, видимо, далек..

Я, гостя оглядев со всех сторон,
хочу понять: желанный — это он?

Так в Лунный дом* явился человек —
куренья с ним воскуривала б век.

Хоана древним рекам и горам*
лицо свое открыл он вскоре сам.

Могу сказать: из тех немногих он,
кто благородным даром наделен

Непринужденно словом поиграть.
Хочу за то ему хвалу воздать.

**Чану, правителю области
Шоннам-ха ***

Биенью сердца твоего,
мой друг, подолгу я внимала,
И твоему в ответ мое
в груди взволнованно стучало.
Среди цветов, тенистых ив
искали днем уединенья.
Чтобы вдвоем читать одно
любимое стихотворенье.
Мы лили в чашечки вино,
и нам одна луна сияла;
Во всем мы были заодно,
и как всего нам было мало!
Быть вечным счастьем не дано,
а ты теперь за дальней далью.
И, одинокая, давно
душа наполнилась печалью.

С тех пор как радость отцвела
и горькая пора настала,

На ложе у меня тепла
лишь половина одеяла...

Ответ Чана *

Горит светильник. Руку я
с прощальной чаркою поднимаю.

Хочу слова произнести —
и нем я, сам себе не внемлю.

Не слышно даже пенья птиц,
оборвалась струна печали...

И только голоса людей
мне за окном слышнее стали.

Луна бросает взгляд косой
да ветерок в листе резвится.

Жаль, нет таланта у меня
стихам высоким приобщиться.

Добра к тебе была судьба.
И в том узри ее участие,

Что появилась ты на свет
в чертоге предержащей власти *.

Порыв любви мне сердце рвет,
душа лететь к тебе готова.

Нет... Разве случай приведет
с тобою встретиться мне снова?..

* * *

Мы встретились — представало нам бывшее
лишь малою соломинкой в стремнине.

Глядит луна в наполненные чарки.
Для чувств моих слова найду ли ныне?

Исполнить у кого желание было
«Песнь феникса печального о милой»? *

Но песни птицы-гости безответны.
Кто усладит ей слух игрой на цине? *

Где ж тот, кто, флейту выкупив, доставит
в страну, где Хани доблестные правят? *

Увы, отправлюсь в дикий край Ху Ханя
дни проводить в позоре и кручине.

Мы расстанемся. Чарок мы не тронем,
а чувства — чувства от себя прогоним.

Стремилась я в одно с любимым слиться
Напрасно... Нет мне счастья и в помина

Подношу стихи другу при расставании у реки Бать-данг *

Там, вдали, наслаждаясь цветами,
не ломай беззащитных стеблей.

Береги их весеннюю хрупкость,
их парчовый наряд пожалей.

Из колодца, хоть чести в угоду
доставай с осторожностью воду.

Не спугни безмятежные сны
в водоеме застывшей луны.

С дымом, с тающими облаками
мое сердце нигде не сравни.

Горы слышали громкую клятву —
помни слово и свято храни.

Пусть река разлучит нас надолго...
Чувству верный и преданный долгу,

В многодневной разлуке со мной
ты к Бать-дангу не станешь спиной!

* * *

Нить, что от сердца к сердцу протянулась,
вдруг туго натянулась и — обрыв...

В путь проводила. Три шага ступила —
и зазвучал печальных строк мотив.

Где дикий гусь, плутаешь ты с письмом *!
Когда дождусь вестей о дорогом?

Хочу держать в руках его посланье,
то развернув, то бережно сложив.

А время мчится резвым скакуном,
что промелькнул, как птица, за окном...

Лью слезы бесконечно — жребий вечный.
Быть у воды — удел плакучих ив.

Плыл аромат — и ночь была без сна.
О боль утрат! — грудь для тебя тесна.

Нить, что от сердца к сердцу протянулась,
внезапно натянулась и — обрыв...

* * *

Задумавшись, останавлиюсь:
находит на меня столбняк;

Тоска какая-то и боль —
не примирюсь с судьбой никак.

А мне, гонимой ветром ряске,
мне высказать бы все для встряски,

Так нет, дрожащею рукой
еще держу пустой черпак.

Дав клятву, пили мы вино,
и, срезанный давным-давно,

Храню твой локон на груди —
ненужной преданности знак...

Беседа губернатора Чана и Хо-суан-Хыонг на одну рифму *

Ч а н

Я восхищен твоим бесценным даром:
Изящные слова стихов подобны
Жемчужинам из клюва птицы феникс —
Кого угодно в трепет приведут.

С у а н Х ы о н г

Мне совестно хвалы такие слушать:
Нет у меня возвышенного дара.
Слова моих стихов, увы, бессильны.
И в трепет никого не приведут.

Ч а н

Мне редкостная выпала удача:
Чуть появился в городе Дракона *,
И тут же колокольчика услышал
Гостеприимный в знатном доме звон.

С у а н Х ы о н г

Я десять лет среди ветров и пыли
Сама себе лгала, как тот воришка,

Что колокольчик крал, заткнувши уши,
Чтоб не робеть, его заслышав звон.

Ч а н

Мне совестно, что так я неискусен:
Из дерева возьмусь фигурку резать —
И если феникс мною был задуман,
Добро, коль цаплю вырезать смогу.

С у а н Х ы о н г

Едва лишь мы расставили фигуры
И завязалась шахматная битва,
Я поняла: искусен мой противник,
Ему сопротивляться не смогу.

Ч а н

Я сам себя вышучиваю часто,
Что до сих пор еще не научился
Изысканное блюдо приготовить —
Драконье мясо с птичьим молоком*.

С у а н Х ы о н г

Толкнуть ли дверь иль постучаться в двери?
До одури слова меняя в строчках,
Себя изводишь целый день, гоняясь
За тем же самым птичьим молоком.

Клятва

Облака волос соединив,
отрезали локон и делили.

За готовность вместе смерть принять
добавляли кровь свою в бокалы

И клялись судьбою, что навек
от любви сердца их будут алы.

Если сто рождений впереди* —
в каждом бы верны друг другу были.

Одинокaя лодкa *

*Вспоминаю песню
«Кипарисовый челнок»*

Опечалена лодка судьбою своей,
на волнах колыхаясь, плывет.

Как наскучило ей быстрину бороздить,
надоело скитаться средь вод!

Верх у лодки под шелковым пологом скрыт,
а поток наступает, бурлит.

И трепещет она на воде и дрожит,
попадая в водоворот.

Ждут иные, чтоб ветер скорее утих,
правят к берегу... Что мне до них!

А иные в поток норовят угодить.
Пусть их тешатся вволю... А тот,

«Не видав и досок, сбыл готовый челнок» *.
И ему я не брошу упрек.

Долго ль буду я лютию мою обнимать? *.
Вдруг душа в ожиданье замрет...

Правителю Чану

Высокая и светлая душа!

Ценить друг друга мы способны были.

Края родные — реки и холмы —

талант нам стихотворческий вручили.

Зачем в моей была рука твоя? —

Чтоб выразить все чувства, не тая,

Теперь, когда ты переплыл реку,

холодные нас волны разлучили.

* * *

Подкрался оборотень-лис "...

И где меня он заприметил?

Как будто рок его навлек.

Ловкач! Дорóгой ночью встретил.

Я услышала лисий запах —

чуть не пропала в лисьих лапах.

Роса на платье... Ветер дул,

деревья гнул. Куда он метил?

Опомнившись, сама хочу

расшить парчу я нитью красной

И бросить алый лепесток *

посланцем чувств в поток опасный.

Немногих знала я, ей-ей,

людей, как этот чародей.

Ему ли яшму я вручу?

Молчу... В душе моей не ясно.

* * *

Прошла, Суан, прошла твоя весна*.
Все чаще остаешься ты одна.

И утром, в сад распахивая дверь,
Цветов все меньше видишь ты теперь.

А в комнате, где шпильки прижились*,
Все нити чувств в клубок переплелись.

Тут ваза благовоний холодна...
Прошла, Суан, прошла твоя весна.

На изголовье одиноком ты
Комуверишь тайные мечты?

Как золота недолговечен блеск,
Так отшумел весны короткий всплеск.

Да, были сотни тропок и дорог,
И на любую пасть твой жребий мог.

Узнала ты в прошедшие года,
Что сладость рядом с горечью всегда,

Что твердый у создателя закон:
И зной и холод сразу шлет нам он.

Был рядом друг, и вот уж нет его
На половине ложа твоего,

И жалобы услышит лишь стена...
Прошла, Суан, прошла твоя весна.

От переводчика

«Царица вьетнамской поэзии» — так нередко называют во Вьетнаме Хо-суан-Хьюн. Полтора столетия назад создавала она свои произведения, но и поныне волнуют ее стихи, не потускнело их обаяние.

Стихи поэтессы до последнего времени не переводились ни на один язык: причудливая полисемия этих изящных миниатюр считалась непередаваемой. Действительно, многозначность и ассоциативность ее поэзии, гротескность образов, напоминающая «готический натурализм» Вийона, создают известные трудности, однако их преодоление — дело увлекательное и по-своему благодарное. Живописуя в крошечном восьмистишии лирический пейзаж, бытовую сцену, поэтесса — чаще всего в роли удивленного наблюдателя — с уничтожающей иронией окрашивает интересом к чувственному колориту кусок жизни во всей его характерности. Верность природе сочетается в стихах с прихотливой игрой фантазии, комически утрирующей натуру, однако не настолько, чтобы образ потерял сходство со своим образцом в реальной жизни.

Впрочем, подкупающая тайна искусства Хо-суан-Хьюн не в особой изощренности формы: менее всего современникам поэтессы недоставало мастерства, которое в восемнадцатом веке ценилось столь высоко, что лишь в нем многие и усматривали

существо поэзии. У Хо-суан-Хыонг, творчество которой по своему своему духу близко к народному, иной угол зрения, иной источник света, чем у большинства литераторов ее времени, иное ощущение жизни. Гривуазный подтекст некоторых стихотворений — лишь средство для того, чтобы поглумиться над общепочитаемой «святыней».

Перечитайте ее «Храм у Посольских палат». Стихотворение в данном случае одноплановое — в нем сказано, кажется, не больше того, что может быть выражено прямым значением слов. Удивление поэтессы перед нерадивостью храмового синклита сменяется саркастическим намеком на ее причину: почтенные служители культа до полудня почивать изволят, да проститься им их презрешие. Но при подробном исследовании текста стихотворения, — а именно эту работу и провел со всем тщанием в каждом отдельном случае составитель построчных переводов Н. И. Никулин, — обращает на себя внимание искусный подбор слов в отдельных строках. Перемените слова местами или смените в них ударения — и внезапно строка обретает иное и не такое уж невинное содержание. Читающий стихи в подлиннике, без труда сделав эти перестановки, понимает теперь, почему настоятель и послушники так долго спят.

Пытаясь сохранить сущность, целевое назначение виртуозного мастерства подлинника, переводчик принял за эквивалент этой виртуозности акростих, в котором и расшифровал основную мысль произведения. В поисках этой мысли, мне кажется, читатель перевода проделает умственную работу, равновеликую, а главное — равнозначную работе читающего стихи в подлиннике.

Но совершенно к иным средствам художественной выразительности прибегает поэтесса, желая высказать мужественное сочувствие всем бедным, униженным людям. Профессиональное мастерство позволяет ей в стихотворениях «Выражаю свои чувства», «Черпаем воду» и многих других наполнить образы мудрой народной простотой, искренностью.

Время не оставило нам портрета Хо-суан-Хыонг. Но портрет этот четко гравируют ее стихи. Переводческому же умозрению ее облик живо напоминает прекрасную Настасью Филипповну. Неожиданность этого сопоставления — кажущаяся неожиданность, так как личная судьба, характеры, стремления вьетнамской поэтессы и героини романа «Идиот» поразительно схожи. Дерзкий вызов Хо-суан-Хыонг вельможным и сановным прощелыгам — вызов, по характеру и значению своему равный бунту Настасьи Филипповны против тощих, епанчиных, иволгиных. Правдой и справедливостью в устах одной и в стихах другой женщины звучат протесты, почти одновременно брошенные ими в лицо их плотоядным искателям, лишившим их с юности высшего права на любовь и счастье. Чувство собственного достоинства — настойчиво звучащая высокая нота в стихах поэтессы и в характере героини Достоевского.

Для переводчика утилитарный смысл всякого принципиально верного портретного сопоставления в том, чтоб с максимальной степенью приближения и полнотой решать творческую проблему поэтического воссоздания.

Геннадий Ярославцев

Комментарии

Из книги «Весенний Аромат»

*Гуляю возле стен храма Кхан-суан
по берегу Западного Озера*

Это стихотворение некоторые вьетнамские литературоведы считают принадлежащим поэтессе начала XIX в., известной как Госпожа Начальница уезда Тхань-куан.

Храм Кхан-суан — буддийский храм на берегу Западного Озера в Ханое. До нашего времени не сохранился. Западное Озеро много раз было воспето вьетнамскими поэтами.

Где море шумело — там туговых веток стена — традиционное поэтическое выражение, означающее большие перемены в жизни.

Нирвана — согласно буддийским воззрениям, некое идеальное состояние, достигаемое праведником; оно означает прекращение цепи перерождений, которая составляет удел всего живущего. Здесь нирвана — состояние блаженства.

«Как одинока ты, розовощекая...»

Жизнь твою меряет дробь барабанная... — В старом Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, ночь делилась на пять

двухчасовых страж с семи часов вечера до пяти часов утра
О наступлении каждой стражи возвещали удары в барабан, гонг
или колотушку.

Стихи в дар храму бесславного
Чжан И-дуна

Чжан И-дун — китайский военачальник, носил чин наместника. В конце XVIII в. принимал участие во вторжении во Вьетнам для подавления движения Тэй-шонов, однако войска незадачливых карателей потерпели поражение, а Чжан И-дун погиб. Впоследствии вьетнамские правители, желая устранить препятствия на пути нормализации отношений с китайским двором и задобрить его, повелели построить храм в память об этом битом военачальнике. Чжан И-дун для Хо-суан-Хыонг — символ незаслуженно возвеличенного ничтожества.

Один на двоих

...ябко, тоскливо жене другой. — В старом Вьетнаме мужчина, кроме старшей жены, обладавшей значительными правами в доме, мог иметь еще вторую жену, вступавшую в семью после официального обряда бракосочетания и с разрешения старшей жены. (В отличие от жен были еще наложницы, которых просто покупали, и брачные обряды при этом не совершались). Вторая жена обычно занимала в семье приниженное положение.

«Палок отведаю, но пообедаю» — вьетнамская народная поговорка, означает: добиваться чего-либо всеми средствами.

Женская доля

Папка мальчишкин — во вьетнамском просторечии так было принято фамильярно называть тех отцов, у кого первенцем был мальчик. Если же первенцем была девочка, отца называли «потаскушкин папка». Само появление в поэзии этих простона-

родных выражений было крайне необычным явлением, свидетельством ее демократизации; они создают определенный настрой, помогая читателю перенестись в обстановку вьетнамского народного быта.

Перевал Ба-зой

Перевал Ба-зой — букв. Тройной перевал, находится на стыке провинций Тхань-хоа и Нинь-бинь. Перевал, воспетый поэтессой, некоторыми вьетнамскими исследователями отождествляется с перевалом Нганг (на границе провинций Ха-тинь и Куанг-бинь), возможно, в силу того, что стало традицией сравнивать это стихотворение Хо-суан-Хыонг со стихотворением «Через перевал Нганг» поэтессы начала XIX в., известной как Госпожа Начальница уезда Тхань-куан. Торжественный, даже несколько высокопарный стиль Госпожи Начальницы обычно противопоставляется естественным интонациям Хо-суан-Хыонг. Госпожа Начальница так начинает свое стихотворение:

Вступили на перевал
в блеске вечерней зари:
Деревья и травы средь скал,
меж листьев пестреют цветы...

...благодетельные радители... — конфуцианские ученые, «добродетельные мужи», выступавшие как носители официальной идеологии и блюстители морали, представители служилого образованного сословия.

Девушка, заснувшая в полдень

...в Персиковой долине... — У китайского поэта Тао Юаньмина (365—427) есть поэма «Персиковый источник», которая рассказывает о путешествии в утопический край блаженства и

счастья — Персиковую долину. В поэтической речи Персиковая долина — место, где вкушают радость и усладу.

Жрец добродетели — см. комментарий к стихотворению «Перевал Ба-зой».

Местечко Кэм-чонг

Кэм-чонг — теснина Чонг, местность в Северном Вьетнаме, славящаяся своими пейзажами, расположена на стыке провинций Нинь-бинь и Тхань-хоа.

Веер («В пластинках — отверстия»)

Шип-стерженек — соединяет между собой деревянные пластинки — основу веера.

Дождик польет — голове мудреца зонтик заменит он смело. — В старом Вьетнаме было в обычае за отсутствием зонта прикрывать голову веером от солнца или дождя. Под мудрецом подразумевается человек, принадлежащий к служилому образованному сословию.

Веер («Семнадцать — мой возраст!»)

Князь родовитый — имеется в виду князь из владетельного дома Чиней, господствовавшего в Северном Вьетнаме до конца XVIII в. и оттеснившего от власти королевскую династию Ле, которая правила лишь номинально.

Пещера Как-ко

Пещера Как-ко — расположена в провинции Шон-тэй.

Придворные евнухи

Придворные евнухи. — В конце XVIII в., в правление последних князей из дома Чиней, большое влияние при дворе при-

обрели сановники-евнухи. Они плели интриги, устраивали заговоры, а иногда становились во главе княжеских войск, совершавших завоевательные походы.

Двенадцать вздорных баб... — намек на мифологический образ двенадцати женских духов, искусными руками которых был создан человек.

Не согрешить им, как случалось на Пу, под тутами, бывало... — В древнекитайском царстве Вэй на реке Пу были заросли тутовника, где собирались на гулянье юноши и девушки. Этот обычай сохранил черты вольности первобытных нравов. О встречах с милой в тутах говорится также в одной из песен «Ши-цзина», на которую, видимо, намекает поэтесса:

Но о ком я тоскую, мои думы о ком?

Юн красавицу эту называют у нас!

Юн меня поджидает в роще тутов одна...

(Перевод А. Штукина)

Буддийский монах

Нет, не похож он на китайчонка и на вьетнамца тоже... — поэтесса высмеивает внешность вьетнамских буддийских монахов, носивших коричневые рясы с широким запахом.

Жертвенные бананы — подношения буддийскому храму.

...череп голый... — буддийские монахи наголо брили себе голову.

Храм у Посольских палат

В стихотворении, которому свойствен налет торжественности, имеется подвох: при сама собой напрашивающейся перестановке в некоторых словах гласный и музыкального ударения, которым характеризуется вьетнамское слово, значения их

меняются; в данном случае получаются площадные выражения. Благодаря этому, разумеется, меняется и весь смысл стихотворения. В переводе, поскольку подобная словесная игра русскому языку несвойственна, использован акростих.

Храм у Посольских палат (храм Куан-ши) — один из крупнейших в Ханое буддийских храмов, ныне центр буддистов Северного Вьетнама.

Плод хлебного дерева

...колышек вбить... — Плоды хлебного дерева, делящиеся на дольки, велики по размерам и сильно отягощают ветви, поэтому крестьянам приходится прибегать к помощи подпорок.

Приглашаю гостя отведать бетеля

Бетель — вьетнамское лакомство, готовится следующим образом: в зеленый лист бетеля заворачивают орешек арековой пальмы, щепоть извести и добавляют пряностей. От бетеля губы становятся ярко-красными. Приглашение отведать бетеля означало шаг к сватовству.

...белой известью не стань... — намек на вьетнамскую поговорку «как известь белый», т. е. неблагодарный.

Пышка в подсахаренной воде

Данное стихотворение в подлиннике отличается тем, что рифма в нем созвучна слову, обозначающему женский половой орган. Все стихотворения Хо-суан-Хыонг построены на монориме.

«Была робка, уступчива — и что же?»

...настал конец небесной страсти — во вьетнамском подлиннике игра иероглифов: «небо» («небесный») — 天; «муж», «жена»

тый мужчина» — 夫; эти слова являются заимствованиями из китайского языка, а иероглифы отличаются лишь по вертикальной черте.

...судьба моя разбита безжалостной чертою — намек на игру иероглифов: «ива» (символ юной девушки) — 了, «ребенок» — 子, которые отличаются лишь горизонтальной чертой, имеющейся в иероглифе «ребенок».

А мне-то что до этого суда! — В феодальном Вьетнаме женщина, родившая ребенка вне брака, подвергалась не только моральному осуждению; по обычаю, в деревнях такие женщины подвергались публичному наказанию и штрафу. Согласно кодексу императора За Лонга (1812), женщины, уличенные во внебрачной связи с мужчинами, приговаривались к избиению бамбуковыми палками (от ста ударов и более), причем в кодексе разъяснялось, что подобные женщины «лишились совести, а посему их надлежит наказывать, освободив от одежд; при наказании за иные проступки одежду с женщин не снимать». Поэтому можно оценивать это стихотворение поэтессы как дерзкий вызов устоям феодального общества.

Женщине, оплакивающей знатного мужа

...и горы и реки... — символ родного края, родной страны, родины.

... вступишь супругой — станешь служанкой навеки — см. комментарий к стихотворению «Один на двоих». Очень часто младшими женами у знати были женщины низкого происхождения; в доме мужа положение их было незавидным.

Ужаленный монах

Остроконечная шляпа — изготавливается из пальмовых или ананасовых листьев, имеет коническую форму.

Браню глупых школяров

Школяры — имеются в виду ученые-конфуцианцы, которые готовятся к экзаменам на ученую степень, открывающую пути к высоким чиновничьим должностям.

Оплакиваю начальника округа Жабу

Жаба — прозвище некоего начальника округа, человека богатого, но, по-видимому, неотесанного и недалекого, наложницей (или второй женой) которого Хо-суан-Хыонг стала, как полагают, по настоянию матери.

...блюду поминальный обряд — согласно вьетнамскому обычаю, траур по умершему соблюдали в течение нескольких лет.

Двум ученым болванам, оставившим надписи-стихи на стене храма Будды

Согласно вьетнамскому обычаю, поднести храму свои стихи, украсив ими его стены, считалось благим делом. Поэтесса высмеивает людей ученого сословия, среди которых был распространен обычай предаваться схоластическим эпигонским упражнениям в стихотворстве. В конце XVIII в., защищая литературу от бессмысленного эпигонства, вьетнамский литератор и медик Ле-хыу-Чак (Ленивый Старец) писал: «Основа стихов — в мыслях. Если мысль глубока, то и стихи прекрасны».

Две красавицы на картине

Две красавицы — старинный традиционный сюжет вьетнамского народного лубка.

Нет, не предаться перезревшим сливам цветка и ветра пиршествам игривым. — Перезревшая слива обозначает здесь старую деву, этот традиционный поэтический символ идет от «Песни о

девушке, собиравшей сливы» из «Шицзина». В песне говорится о печали женщины, стареющей и теряющей надежду выйти замуж:

Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

(Перевод А. Штукина).

...цветка и ветра пиришествам игривым — символ, обозначающий во вьетнамской поэзии любовную связь.

Храм Благовонных Следов Будды

Храм Благовонных Следов Будды — храм, расположенный в провинции Ха-донг, являлся одним из наиболее почитаемых во Вьетнаме буддийских святынь; привлекал к себе много паломников.

...посохом привычно тыча... — храм возвышается на склоне горы, к нему ведут крутые тропинки и лестница.

...челн без весла... — путь к храму пролегал через озеро, которое паломники переплывали на лодках и челнах, причем лодочник обычно работал шестом.

Упрекаю Тьеу Хо за дерзость

Тьеу Хо — один из друзей Хо-суан-Хыонг. Устная традиция отождествляла Тьеу Хо с писателем Фам-динь-Хо (1768—1839). Однако в последнее время против этого выдвигаются возражения, главное из которых состоит в том, что якобы не мог человек, в своих поздних произведениях считавший самым тяжким из своих пороков пристрастие к чаю, обмениваться с Хо-суан-Хыонг игривыми посланиями в стихах и вообще поддерживать с ней дружеские связи. Неосновательность этого аргумента доказывается ссылкой на известный пример Боккаччо: ав-

тор «Декамерона» впоследствии написал книгу «Корбаччо», в которой берет верх аскетизм.

Тьеу Хо отвечает теми же рифмами

Стихотворный ответ на стихи «Упрекаю Тьеу Хо за дерзость» принадлежит другу Хо-суан-Хыонг, известному под псевдонимом Тьеу Хо.

...что там тигрят находят...— ср. с древней китайской пословицей: «Не залезешь в логово тигра — не добудешь тигренка».

Упрекаю Тьеу Хо за скупость

...Куою, лунному лжецу... — Согласно мифологическим представлениям вьетнамцев, на Луне под раскидистым баньяном сидит юноша Куой. Нередко лунного Куоя смешивают, как в данном случае, со сказочным Куоем, хитрецом и обманщиком, фольклорным персонажем, который несколько напоминает Ходжу Насредина.

Что ж, отправляйся на луну листвы баньяновой достать! — Поэтесса намекает, что место обманувшему ее другу рядом со лжецом Куоем.

Тьеу Хо отвечает теми же рифмами

Стихотворный ответ на стихи «Упрекаю Тьеу Хо за скупость» принадлежит Тьеу Хо.

Оплакиваю правителя округа Винь-тыонг

Правитель округа Винь-тыонг был мужем Хо-суан-Хыонг.

Тхыок — старинная мера длины, равная примерно 44 см.

Минуло двадцать семь печальных лун... — Траур по покойному родственнику продолжался двадцать семь месяцев.

Монах

В данном стихотворении Хо-суан-Хыонг использовала тот же прием, что и в стихотворении «Храм у Посольских палат» (см. комментарий к нему). Этим объясняется наличие акростиha в переводе.

Священный грот у Храма Учителя

Храм Учителя — один из известных буддийских храмов Северного Вьетнама; расположен в провинции Шон-тэй, на склоне горы Шай-шон, где находится знаменитый грот, ставший буддийской святыней.

*О том, как Суан Хыонг из Ханоя,
поскользнувшись, упала на дороге,
а юбка ее взметнулась вверх*

Это стихотворение лишь условно включено нами в ту часть, которая озаглавлена «Из книги „Весенний Аромат“». Оно лишь недавно обнаружено вьетнамским ученым Чан-ван-Зиапом и опубликовано им.

Скала и утес

Причудливое нагромождение камней, именуемое Взымающийся Господин и Громоздящая Госпожа (Онг-тьонг, Ба-тьонг), находится в провинции Туен-куанг. В названии стихотворения («Онг-тьонг, Ба-тьонг») есть непереводаемая игра слов: «Онг-тьонг» одновременно означает «Взымающийся Господин» и «господин муж».

Надпись на прошении почтенного конга

Конг (хьонг конг) — вторая ученая степень во Вьетнаме, существовавшая до начала XIX в.

Живые шахматы

...*двух колесниц*... — Колесницами именовались определенные фигуры во вьетнамских шахматах, заимствованных из Китая.

Обращаюсь с шуткой к военачальнику

...*красный носит шлем*. — Вьетнамские военачальники носили конусообразные островерхие шлемы красного цвета.

Харчевня Кхань

Коленца-колючки на кровле-заборе... — имеется в виду остов кровли из бамбуковых жердей.

Поднебесный рынок

В стихотворении поэтесса говорит о живописном нагромождении скал, своим видом напоминавшем ей рынок.

У дворца Тхай-хоа вспоминаю былое

Дворец Тхай-хоа — был расположен на берегу Западного озера, в Ханое, принадлежал королевской династии Ле; после ее падения в конце XVIII в. подвергся разрушению. С началом правления династии Ле (XV в.) в народе связывались представления о «золотом веке» вьетнамского государства, о некоей социальной утопии. Поэтому даже еще в первой половине XIX в. крестьянские восстания нередко проходили под лозунгом восстановления Ле. Видимо, этим стремлением к некоему утраченному благоденствию для всех следует объяснить настроение поэтессы, грустящей над развалинами дворца династии Ле.

...высокоголовые «герои» — монахи из буддийского храма Чан-куок, стоящего возле Западного Озера и сохранившегося в целости, тогда как дворец Тхай-хоа был разрушен.

По случаю Нового года

Новый год — имеется в виду праздник, который отмечается традиционно во Вьетнаме по лунному календарю.

Год провожая, с вечера будь осторожна... — Согласно старинным поверьям, в последние дни года (с двадцать третьего по тридцатый день двенадцатой луны) необходимо было особенно беречься нечистой силы, для чего вывешивался на высоком бамбуковом шесте круг со звенящими под ветром пластинками и т. д., — в эти дни дух-покровитель семейного очага покидал дом, отправляясь на небеса.

Новый наступит — утром, засов отодвинув... — В первый день Нового года, согласно старинному поверью, первый гость, пришедший в дом, приносит счастье или беду.

Из книги «Горный хрусталь»

Песня о лунной ночи

Храм девы-кудесницы мохом обросл. В сочинении китайского поэта Сун Юя (280—233 гг. до н. э.) говорится, что чуский князь, охотясь в горах, утомился и уснул. Ему явилась во сне красавица, назвавшаяся феей («девой-кудесницей») Уской горы (Ушань). Она разделила ложе с князем, а расставаясь, сказала: «Я живу на Уской горе. Утром превращаюсь в облако, вечером падаю на землю дождем». Утром, проснувшись, князь в самом деле увидел облако, а к вечеру пошел дождь. Впоследствии князь воздвиг в честь девы-кудесницы храм, который назывался Утреннее облачко. Здесь упоминание храма девы-кудесницы обозначает разлуку с любимым.

Циньское облако... и чжаоский дождь — традиционное поэтическое выражение «встреча облаков и дождя», метафорически обозначало чувственную любовь. Здесь речь идет об одиночестве и разлуке. Цинь и Чжао — древнекитайские княжества.

А в небе луна... — Луна — символ постоянства.

Вспомнила о друге прежних лет

Это стихотворение адресовано, по всей вероятности, вьетнамскому поэту Нгуен Зу (1765—1820). Оно подтверждает бытующую поныне легенду о близкой дружбе Хо-суан-Хыонг и Нгуен Зу.

Зэм — старинная мера длины, равная примерно 432 м.

Стража ночная — см. комментарий к стихотворению «Как одинока ты, розовощекая».

Орхидея в саду в конце весны

...бронзовый дракон роняет капли, время отмеряя... — водяные часы в форме бронзового дракона.

Гора Ушань — здесь символ любовного свидания. См. комментарий к стихотворению «Песня о лунной ночи».

Восточный ветер — дует весной, поэтому символизирует весну.

Весенний Аромат — игра слов: «Суан Хыонг» — псевдоним поэтессы и одновременно метафорически — «радости любви».

Посылаю Чану, правителю Шоннам-ттыонга

Лунный дом — или Обитель Древней Луны, дом Хо-суан-Хыонг в Тханг-лонге.

Хоана древним рекам и горам... — Хоан — это старинное название Нге-ада, откуда были родом правитель области Чан и сама поэтесса.

Чану, правителю области Шоннам-ха

Правитель Чан — близкий друг Хо-суан-Хыонг и участник поэтических бесед и поединков с ней, автор обращенных к поэтессе стихотворных посланий.

Ответ Чана

Стихотворение, являющееся ответом на стихи Хо-суан-Хыонг «Чану, правителю области Шоннам-ха», принадлежит правителю Чану.

Что появилась ты на свет в чертоге предержавшей власти. — Эти строки свидетельствуют в пользу гипотезы Чан-тхань-Мая о том, что Хо-суан-Хыонг родилась в семье Хо-ши-Заня.

«Мы встретились — предстало нам былое...»

«Песнь феникса печального о милой» — мелодия, приписываемая известному китайскому поэту Сыма Сян-жу (ок. 179—117 гг. до н. э.). Данные строки означают: «Ты искал моей руки».

Цинь — старинный щипковый инструмент.

Где ж тот, кто, флейту выкупив, доставит в страну, где Хани доблестные правят?.. — намек на известное предание о Ван Чжао-цзюнь, наложнице ханьского императора Юань-ди, правившего с 48 по 33 г. до н. э. У императора был огромный гарем; не будучи в состоянии посетить всех его обитательниц, Юань-ди приказал придворным художникам нарисовать портреты наложниц. Женщины давали взятки художникам, чтобы те изображали их по красивее. Только красавица Ван Чжао-цзюнь не дала художнику ничего, и он нарисовал ее безобразной. Юань-ди не встретился с ней, а когда гуннский вождь захотел породниться с императорским двором, Юань-ди велел отдать ему в жены Ван Чжао-цзюнь, как самую некрасивую из своих наложниц. Когда перед отъездом ее привели во дворец для проща-

ния с государем, тот был потрясен красотой Ван Чжао-цзюнь, раскаялся и изгнал всех придворных художников из столицы. Ван Чжао-цзюнь увезли к гуннам, она стала женой их предводителя, а после его смерти, по обычаю, — женой его сына. Ее печальная судьба не раз вдохновляла поэтов древнего Китая. О ней сложено много стихов и песен. Строка стихотворения означает: вернуть красавицу на родину, в милый край.

*Подношу стихи другу при расставании
у реки Бать-данг*

Бать-данг — река в Северном Вьетнаме; при Бать-данге прославленный вьетнамский полководец Чан-хынг-Дао (ум. в 1300 г.) разгромил монгольские полчища в конце XIII в.

«Нить, что от сердца к сердцу протянулась...»

Где, дикий гусь, блуждаешь ты с письмом! — Во вьетнамской литературе дикий гусь был поэтическим символом письма, весточки.

*Беседа губернатора Чана и Хо-суан-Хыонг
на одну рифму*

Строки, над которыми стоит помета «Чан», принадлежат правителю Чану.

...в городе Дракона — имеется в виду Ханой, получивший свое нынешнее наименование в 1830 г.; во времена Хо-суан-Хыонг именовался Тханг-донг, т. е. Город взлетающего Дракона.

...драконье мясо с птичьим молоком... — Драконье мясо имеет примерно тот же смысл, что и выражение «птичье молоко».

Клятва

Если сто рождений впереди... — По буддийским религиозным представлениям, душа человека бессмертна и проходит бесконечную цепь перевоплощений.

Одинокaя лодка

Стихотворение навеяно песней «Шицзина» «Кипарисовый челнок»:

Кипарисовый этот челнок унесло,
И плывет он средь глади речной...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Был он муж мне, и клятва осталась со мной;
Я другому до смерти не буду женой.
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине,
Отчего вы не верите мне?

(Перевод А. Штукина)

По обычаю, вторичный выход замуж вдовы считался поступком предосудительным. Хо-суан-Хыонг вступает в спор с песней из «Шицзина», осуждая проповедь аскетизма.

«Не видав и досок, сбыл готовый челнок» — вьетнамская народная поговорка, обычно применялась к дерзким, наглым, самоуверенным людям. Ср. с русской поговоркой: «Делить шкуру неубитого медведя».

Долго ль буду я лютню мою обнимать? — намек на строки из поэмы китайского поэта Бо Цзюй-и (772—846) «Пипа», героиня которой переходит из своего челна в лодку для новых гостей;

На наш многократный и долгий зов
она наконец явилась.
Безмолвна в руках у нее пипа,
лицо ее полускрыто.

(Перевод Л. Эйлина)

Здесь это образное выражение обозначает: «Долго ли мне дожидаться суженого?»

«Подкрался оборотень-лис...»

Оборотень-лис. — Лисам приписывалась способность превращаться в людей. Об оборотнях-лисах, об их ловких проделках и их коварстве известно немало рассказов во вьетнамской и китайской литературах.

И бросить алый лепесток... — В столице танского Китая (618—906) был квартал Пинканфан, где жили певицы. Каждый год молодые люди, выдержавшие экзамены в столице, писали на красной бумаге свои имена — подобие визитной карточки — и отправлялись в этот квартал заводить знакомства. Впоследствии красный листок (красный лепесток) стал символом стихотворного любовного послания.

«Прошла, Суан, прошла твоя весна»

Прошла, Суан, прошла твоя весна — игра слов: «Суан» — псевдоним поэтессы — значит «весна».

А в комнате, где шпильки прижились — имеется в виду комната женщины.

С о д е р ж а н и е

Н. Никулин. Хо-суан-Хыонг

5

Из книги «Весенний Аромат»

Гуляю возле стен храма Кхан-суан по берегу Западного озера	23
«Как одинока ты, розовощекая...»	25
Стихи в дар храму бесславного Чжан И-дуна	26
Один на двоих	27
Женская доля	28
Перевал Ба-зой	29
Девушка, заснувшая в полдень	30
Местечко Кэм-чонг	31
Запруда	32
Веер («В пластинках — отверстия...»)	33
Веер («Семнадцать — мой возраст!...»)	34
Пещера Как-ко	35
Придворные евнухи	36
Буддийский монах	37
Храм у Посольских палат	38

На качелях	39
Лодочнику, забывшему о волне, что вынесла его на берег	40
Плод хлебного дерева	41
Приглашаю гостя отведасть бетеля	42
■ Пышка в подсахаренной воде	43
«Была робка, уступчива — и что же?..»	44
Женщине, оплакивающей знатного мужа	45
Ужаленный монах	46
Браню глупых школяров	47
Оплакиваю начальника округа Жабу	48
Улитка	49
Двум ученым болванам, оставившим надписи-стихи на стене храма Будды	50
Две красавицы на картине	51
Храм Благовонных Следов Будды	52
Барабан	53
Упрекаю Тьеу Хо за дерзость	54
Тьеу Хо отвечает теми же рифмами	55
Упрекаю Тьеу Хо за скупость	56
Тьеу Хо отвечает теми же рифмами	57
Выражаю свои чувства	58
Оплакиваю правителя округа Винь-тыонг	59
Монах	60
Священный грот у Храма Учителя	61
О том, как Суан Хыонг из Ханоя, поскользнувшись, упала на дороге, а юбка ее взметнулась вверх	62
Скала и утес	63
Надпись на прошении почтенного конга	64
«Я разрешаю Вам моление духам...»	65
Живые шахматы	66
Черпаем воду	68
Обращаюсь с шуткой к военачальнику	69
Лекарская вдова оплакивает мужа	70
Харчевня Кхань	71

Поднебесный рынок	72
У дворца Тхай-хоа вспоминаю былое	73
Параллельные фразы	
«Там, высоко, плывет блестящий паланкин...» . . .	74
* Упала	75
По случаю Нового года	76

Из книги «Горный хрусталь»

Жалобы	79
Песня о лунной ночи	81
Вспомнила о друге прежних лет	82
Орхидея в саду в конце весны	84
Посылаю Чану, правителю Шоннам-тхыонга	86
Чану, правителю области Шоннам-ха	87
Ответ Чана	89
«Мы встретились — предстало нам былое...»	91
Подношу стихи другу при расставании у реки Бать-данг	92
«Нить, что от сердца к сердцу протянулась...»	93
«Задумавшись, останавлиюсь...»	94
Беседа губернатора Чана и Хо-суан-Хыонг на одну рифму	95
Клятва	97
Одинокая лодка	98
Правителю Чану	99
«Подкрался оборотень-лис...»	100
«Прошла, Суан, прошла твоя весна...»	101
От переводчика	103
Комментарии	106

Хо-суан-Хыонг

С т и х и

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*

Редактор *С. Ю. Неклюдов*
Художник *Ю. А. Боярский*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *Л. И. Романова*

*

Сдано в набор 30/VIII 1967 г.
Подписано к печати 12/I 1968 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 4.0. Усл. п. л. 5,6. Уч. изд. л. 3,51
Тираж 10.000 экз. Изд. № 1854
Зак. № 978. Цена 38 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4